

С середины 90-х годов стало появляться больше работ, в которых уже не столько говорится об интеграции АТР или Восточной Азии, сколько о возможностях формирования экономического центра или полюса в мировой экономике. Для многих экспертов становится ясно, что с интеграцией при самых вольных толкованиях этого термина ничего в этих районах не получится. Что же касается “центра”, то здесь несколько иной поворот.

В принципе он возможен, поскольку его структура строится на иных началах, нежели интеграция. По структуре “центр” означает определенную иерархию зависимости периферийных участников такого центра от его ядра, который может состоять из одного, двух или трех держав. Если вспомнить, Общий рынок, превратившийся в Европейское сообщество (ЕС), также начинался на центровых принципах, ядром которого были три ключевые державы - Англия, Франция и ФРГ. Та же НАФТА является Североамериканским центром мировой экономики с ядром - США и зависимые от них Канада и Мексика. Иначе говоря, в центровом подходе есть определенный смысл, поскольку объективный ход развития, т.е. логика экономических взаимоотношений, может трансформировать такой центр в интегрированную зону экономики. Рассмотрим в этой связи два сценария, обкатываемых по обе стороны Тихого океана.

“Азиатский сценарий”

Этот сценарий предполагает возникновение Азиатского блока, функционирующего в рамках “иеновой валюты”. Имеется в виду, что его движущей силой является не столько политика, сколько экономика, т.е. масштабные торгово-инвестиционные потоки, формирующие этот блок. Япония - главный игрок, так же как, например, США, в Западном полушарии. Этот сценарий исходит из наличия трех мировых блоков: один - вокруг Японии, соревнующейся с Североамериканским и Европейским блоками.

“Азиатский сценарий”, по предположению, должен формироваться в результате двух направлений политико-экономического развития: одно – порождаемое внерегиональными причинами, другое – внутрорегиональным ходом событий.

Первое. Торговые противоречия между странами Восточной Азии, с одной стороны, и США и Европой – с другой, достигают такой остроты, что регионализм покажется более предпочтительной альтернативой для Японии, стран СВА и ЮВА.

Второе. Внутрорегиональная торговля и взаимные инвестиционные потоки углубляются до такой степени, что объективно ведут к формированию фундамента для политической интеграции. В этом случае вырабатывается общая политика, которая приобретает характер скоординированной политики в отношении ВТО, охватывает все сферы торговли, инвестиционной и макроэкономической деятельности, в конечном счете ведущей к созданию Восточноазиатского свободного региона или Восточно-азиатского общего рынка.

Любопытно, что такой сценарий поддерживается в основном политиками националистического толка среди части правящих кругов Японии. Их взгляды выражает идеология неонационализма. Эту идеологию в 90-е годы связывают, в частности, с именем Синтаро Исихара, по западной классификации отнесенного к японским правым. Политик и писатель, он прославился своей небольшой антиамериканской книжкой “Япония, которая может сказать НЕТ”[1]. К неонационалистическому крылу относят также бывшего премьер-министра страны Нобору Такэсита, а также нынешнего весьма активного политика Итиро Одзава - руководителя отколовшейся от ЛДП Партии новой границы (Синсинто). Последний, в частности, полагает, что весьма “ненормально” находится под опекой США в сфере безопасности и пора превращаться в “нормальную державу”. Этот рефрен не нов. Он перекликается с нашумевшим в 1980-м году лозунгом Икутаро Симидзу - Япония - стань государством! – с тем же антиамериканским подтекстом. Комментируя подобные настроения в Японии, журнал “Эйшауик” с одобрением пишет: “Правильно руководимый своими лидерами, японский национализм может помочь ей играть более активную и конструктивную роль в региональных и мировых делах”.

Конечно же, в форме чисто японского национализма такие лозунги могут напугать соседей, поэтому для них, как это обычно практиковалось в Японии, существует видоизмененная формулировка – Новый азианизм. Хотя он предполагает противодействие всему Западу, фактически же направлен именно против США, поведение которых раздражают очень многих лидеров Восточной Азии.

Новый азианизм как форма антиамериканизма рядится в различные национальные, если можно так выразиться, национализмы. Так, президент Индонезии Сухарто популяризует концепцию “быть индонезийцем” (“to be Indonesian”), а бывший премьер-министр Сингапура Ли Куан Ю проповедует идеи “сингапурианства” (Singaporeaness). Среди них особенно антиамерикански настроен премьер-министр Малайзии Датук Сери Махатхир бин Мохамед, который в отличие от остальных антиамериканских

лидеров оказался отъявленным прояпонцем. В соавторстве с Синтаро Исихара он опубликовал книгу “Азия, которая может сказать НЕТ” (“Asia That Can Say No”).

Антивестернизм или антиамериканизм становится заметным явлением общественно-экономической жизни стран Восточной Азии. Весь вопрос в том, насколько неонационалисты Японии в состоянии аккумулировать эти настроения в формировании азиатокентристской зоны во главе с Японией?

По мнению многих экспертов, такой ход событий маловероятен, поскольку доминирование Японии может оказаться ничем не лучше гегемонии США в этом районе. При этом обычно ссылаются на “хищническую, экспансионистскую” политику самой Японии. Со многими доводами подобного рода можно согласиться.

Действительно, азиатов уже давно раздражает “хищническая экспортная политика” Токио, так же как и таможенные барьеры на пути их товаров в Японии. Короче, торговый активный баланс Японии является источником напряжений этой страны не только с США, но и со своими соседями.

При этом надо иметь в виду структуру японского экспорта. В ней важны не столько потребительские товары типа электроники (телевизоры, факсы, телефоны, компьютеры и т.д.) и автомобили, но также промышленное оборудование и технология, от которых зависят производственные мощности восточноазиатских экономик.

Соответственно, из-за этого торговое сальдо Японии с Ю. Кореей, Тайванем и ЮВА растет быстрее, чем со странами Запада.

За последние семь лет торговое сальдо Японии с Восточной Азией увеличилось почти в 2 раза – с 27,1 миллиардов долларов в 1990 г до 49,3 миллиардов в 1996 г. Для контраста: за те же годы японское сальдо с США уменьшилось с 38,2 миллиардов долларов до 31,2 миллиардов долларов. Причем объем торговли Японии со всеми странами Восточной Азии существенно превосходит объем торговли с США.

Соседи Японии воспринимают увеличение активного сальдо в торговле с ними как намерение Токио “перекинуть” свой активный баланс на “задворки”, т.е. в Восточную Азию, чтобы сократить трения с США и Европой.

Проблема торгового сальдо усложняется тем, что многие страны, к примеру та же Ю. Корея, придерживаются жесткой протекционистской политики. Несмотря на это, ситуация выглядит довольно парадоксальной. Если в 1988 г. активное сальдо Ю. Кореи насчитывалось в сумме 8,9 миллиардов долларов, включая 3,9 миллиардов за счет торговли с Японией, то в 1995 г. она поимела торговый дефицит в 9,8 миллиардов долларов в основном из-за дефицита с Японией, равный 14 миллиардам долларов. Один из высших чиновников южнокорейского министерства торговли и промышленности этот парадокс объясняет следующим образом: “Боюсь, мы на крючке у Японии. Когда корейская экономика начала только развиваться, мы вынуждены были полагаться на Японию в технологии и оборудовании. Как только мы приобрели их систему, мы вынуждены покупать у нее все для этой системы. И как только наш экспорт в другие части мира увеличивается, наш импорт из Японии также должен увеличиваться”.

Эта структурная зависимость возникла в результате целенаправленной и весьма тщательно продуманной торгово-экономической политики Японии в отношении своих соседей по региону.

В частности, одним из инструментов привязки этих стран к своей экономике является официальная помощь развитию (ОПР), более половины которой направляется в Восточную Азию, в основном странам АСЕАН. В ответ Япония требует даже не столько “доброе отношения” к себе, сколько закупки на эти деньги японской технологии, товаров и услуг. К этому можно добавить множество других методов “защипывания” азиатских экономик на интересы Японии (сваливания “грязных производств”, быстрая передвижка производственных мощностей из одного района в более “дешевые” и т.д.). Естественно, рассматривая регион как подсобное хозяйство японской экономики, японцы не склонны передавать соседям новые технологии, что в особенности бесит южнокорейцев.

Хотя психологически эти антияпонские настроения понять можно, но, на мой взгляд, они лишены экономического обоснования. Да, Япония проводит напористую экономическую политику, создавая в конечном счете благоприятный эффект для собственной экономики, собственных выгод, эксплуатируя ресурсы, дешевую рабочую силу стран Восточной Азии. Но разве может быть иная политика на капиталистической основе? Разве руководители этих стран еще в начале 60-х и в 70-е годы не осознавали подобных последствий? Соглашаясь на “безвозмездную помощь” и подписывая договоры, в соответствии с которыми эта “помощь” должна идти на покупку японской

техники и товаров, разве сами они добровольно не лезли в капкан японской экономической инфраструктуры? Где это видно, чтобы монополии действовали во имя общечеловеческих ценностей или болтливому гуманизма? И разве те же самые антияпонски настроенные южнокорейские компании в странах ЮВА, в частности в Индокитае, не действуют по тем же рецептам, что и японские компании? Риторические вопросы, несколько уведшие нас от основной темы.

Суть же в том, что азиатский центр во главе с Японией не получится даже не столько из-за сопротивления стран Восточной Азии, сколько вследствие стратегии японских монополий, совсем не предусматривающих формирование подобного центра. Эта стратегия не ограничивается только Восточной Азией. И не только потому, что львиная доля их деятельности приходится на США и Европу. Она направлена на весь мир. Дело в том, что в новых условиях глобального капитализма изменилась тактика и стратегия японских кэйрэцу.

Во-первых, если в начале 70-х годов зарубежные прямые инвестиции (ЗПИ) осуществлялись в основном мелкими и средними компаниями, то в 80-е и 90-е годы ими занимаются мощные транснациональные компании, которые способны и вкладывать и создавать новые производства по всему миру. С "всемирным" кругозором снимается вопрос места действия (раньше было, чем ближе, тем лучше), сохраняется только вопрос - где выгоднее. Как только стоимость рабочей силы в Малайзии или в Таиланде возрастает, японские бизнесмены устремляются в Индокитай, к примеру, во Вьетнам, жаждущий иностранных инвестиций. Подобная маневренность дает им преимущества на переговорах с любым правительством или бизнесом любой страны. Первые выбирают, вторые уговаривают.

Во-вторых, произошли системные изменения в инвестиционной политике. Переориентация потоков капитала из США и Западной Европы в страны с низкими и средними доходами создали всемирную нехватку ликвидности конвертируемой валюты. Эта нехватка в свою очередь предоставила глобальным корпорациям, контролирующим мировую ликвидность, среди которых японские компании занимают передовые позиции, уникальные возможности сохранять или держать любые цены на продукцию в любом месте на земном шаре.

Всемирные масштабы и уровни нынешней волны японских ЗПИ в сочетании с усилившимися переговорными возможностями корпораций в общении с деловыми и

правительственными организациями в принимающих странах создают качественно иной фон для ЗПИ в ЮВА в 80–90-е годы по сравнению с 60–70-ми годами.

Варианты многостороннего партнерства между малыми и средними японскими компаниями и местными фирмами являлись ключевыми в развитии Ю. Кореи и Тайваня в 60-70-е годы. Интенсивная инвестиционная активность Японии в ЮВА и на юге Китая в конце 80-х – начале 90-х годов создала высокоцентрализованную индустриальную структуру, фактически производственно-торговую империю. В ее недрах различные страны ЮВА специализируются на выборочной технологии, результаты использования которой возвращаются и кормят крупнейшие индустриальные гиганты Японии. Страны Восточной Азии, особенно расположенные в ЮВА, действительно стали “задворками” экономики Японии.

Поразительным фактом, однако, является еще один феномен. Если раньше Японию обвиняли в “грабительской политике” в отношении стран ЮВА, то по мере глобализации ее внешнеэкономической деятельности и соответственно переключения ее внимания на другие рынки и регионы, те же самые страны выражают недовольство “невниманием” мощного соседа к собственному району, читай, к инвестированию стран АСЕАН.

В любом случае экономические отношения Японии с регионом крайне непросты. Так или иначе, несмотря на разговоры о “иеновом блоке” в течении последних 20 лет, он не создан и нет признаков, что он может быть создан. А посему “Азиатский сценарий” так и останется в качестве досужих предположений некоторых ученых, любящих играть в сценарии.

У них, правда, в запасе есть еще один сценарий. Рассмотрим его.

“Тихоокеанский сценарий” и АТЭС

Упор в этом сценарии делается на США. С одной стороны, сама Америка глубоко внедрилась в Восточную Азию, с другой – страны этого региона масштабно действуют на американском рынке. Японии, естественно, также придается важное значение, но в большей степени в связке с США. Вдобавок, подчеркивают сценаристы, регион относительно открыт, что облегчает выработку общей политики для всех участников экономической политики в этой зоне мировой экономики.

При таком сценарии о “центре” или “полюсе” говорить уже не приходится, поскольку центр – это все-таки что-то сконцентрированное, сгущенное. В этом случае чаще говорят об оси США-Япония, на которую накрутятся экономики всех остальных стран по обе стороны Тихого океана.

В общем-то здравомыслящие эксперты понимают, что объективно, чисто экономически такой регион невозможно слепить в некую единую экономическую целостность. Нужна какая-то организация, которая могла бы взять на себя функции “лепки”. Существующие ПЭК и ПБЭК с такими функциями не справлялись. Пришлось создавать новую под названием АТЭС – Азиатско-тихоокеанское экономическое сотрудничество (по-английски называемая АПЕС - Asia-Pacific Economic Cooperation). “Эта организация, по мнению Чарльза Моррисона, ученого из Центра Восток-Запад (Гонолулу), могла бы связать вместе разрозненные экономические и политические интересы различных акторов в регионе”.

В момент создания АТЭС в 1989 г. в нее вошли 13 стран (асеановская шестерка, США, Канада, Япония, Австралия, Новая Зеландия и Корейская Республика). В 1991 г. в нее были приняты КНР, Гонконг и Тайвань (последний под названием Китайского Тайбэя), в 1993 г. – Мексика и Папуа–Новая Гвинея, а в 1994 г. еще и Чили. Таким образом к моменту Осакинской встречи (ноябрь 1995 г.) в АТЭС входило 18 стран и территорий. На очередном, Манильском форуме (ноябрь 1996 г.) было принято решение объявить мораторий на прием новых членов до 1999 г. Несмотря на это, на встрече в Ванкувере (ноябрь 1997 г.) в эту организацию были приняты Россия, Вьетнам и Перу.

АТЭС собирается ежегодно, обычно в ноябре, на министерские форумы, нередко с участием глав правительств, на которых оглашаются декларации и планы. С большой помпой, например, прошел форум в Сиэтле (ноябрь 1993 г.), на котором Б. Клинтон объявил о “Новом Тихоокеанском Сообществе”. В отличие от говорильни в Сиэтле, последовавший за ним через год форум в индонезийском городке Богоре, недалеко от Джакарты, принял декларацию с конкретными задачами. Главная среди них - фиксирование даты открытия рынков на основе принципов “свободной и открытой торговли”. Для развитых стран она обозначена 2010 г., для развивающихся – 2020 г. Богорскую декларацию Б. Клинтон в духе речей советских генеральных секретарей назвал “исторической”. Более витиевато значение этого форума обозначил австралийский премьер-министр П. Китинг. Его решения названы им “как экстраординарный новый путь для АТР к новым экстраординарным мерам”.

Лейтмотивом всех деклараций являются несколько ключевых слов: “либерализация”, “свободная торговля”, “открытый регионализм” и “рыночная взаимозависимость”, пропаганде которых посвящено чуть ли ни 99% “научной” литературы по АТР.

В понимании министра торговли Канады Роя Макларена (Roy MacLaren) функции этой организации должны были бы соответствовать названию Тихоокеанский бассейн свободной торговли, о чем он поведал в ходе встречи в Сиэтле[2]. В подобном же ключе интерпретировал АТЭС и Б. Клинтон, сказав, что эта организация должна быть нечто вроде Зоны свободной торговли, участники которой базировались бы на Соглашении о свободной торговле в Тихом океане.

Короче, АТЭС, созданный по инициативе США, Канады, Австралии и Японии, призван служить в качестве инструмента в деле либерализации торговли и инвестиций, прежде всего в районе Восточной Азии. В своей речи в Сиэтле Клинтон выделил три момента, на которых должна строиться политика АТЭС: процветание, сила и приверженность демократическим ценностям. Последнее самое важное, так как термин “демократические ценности” в устах американцев означает ни что иное, как американские ценности.

Хотя американцы трезвонят о своих “ценностях” по всякому поводу и без повода, настойчивость, с какой они говорят о них на атэсовских встречах, вызывает недоумение даже у привыкших к этому людей. На самом деле повод для этого у американцев есть, причем самый что ни на есть “ценностный”.

Главная проблема США в торговле со странами Восточной Азии – накопление громадного дефицита. Только в одном 1995 г. он был равен 133,5 миллиардам долларов (в США, включая Японию, он составлял 108,9, в ЮВА – 24,6 миллиарда долларов). США сталкиваются с жесткими протекционистскими барьерами на пути экспорта своих автомобилей, продукции сельского хозяйства и питания, игрушек, алкогольных напитков и др.

К примеру, в Таиланде таможенные пошлины достигают 30–40% на ввозимые товары, в Индонезии и на Филиппинах - около 20%. В Малайзии фактически закрыт рынок для экспорта машин. В Китае высокими пошлинами облагаются текстильные товары, на Филиппинах и в Таиланде не разрешают инвестировать капиталы в сферу услуг и т.д. По каждой стране можно привести длинный список торговых и инвестиционных

ограничений, в том числе и с Японией. В среднем торговые барьеры в большинстве государств (за исключением Гонконга и Сингапура) добавляют от 10 до 30% стоимости на ввозимые товары. В Японии же “скрытые механизмы торможения” набавляют, по оценкам, от 30 до 100% “добавочной стоимости”.

Двусторонние переговоры, переговоры в рамках ВТО или на принципах Уругвайского раунда (предусматривающий различные компромиссы для его участников) не решают проблемы дефицита. Именно поэтому такие большие надежды возлагаются на АТЭС, который мог бы убрать все эти ненавистные барьеры. При этом надо иметь в виду, что когда речь идет о зоне АТЭС, американцы, так же как и канадцы, проявляют сверхповышенный интерес к либерализму. Когда же речь заходит о зоне НАФТА, то и США, и Канада неожиданно становятся глухими консерваторами. Так, большой поклонник АТЭС Барт Возден, научный исследователь японской корпорации Итотю, указывает, что, когда Сингапур и Таиланд проявили интерес примкнуть к НАФТА, только четыре конгрессмена поддержали их кандидатуры. Он же подчеркнул: “Что касается АТЭС, США играют в свои карты”. И это естественно.

Точно так же естественно и то, что такой подход противоречит интересам многих стран Восточной Азии, лидеры которых кто в туманной, кто в откровенной форме выражают свое несогласие с позицией США. Примером первого варианта могут служить высказывания высокопоставленных дипломатов Таиланда и Сингапура. “Нам не ясно, что хочет Америка в долгосрочном плане. ...Они (США) не предсказуемы”.

Больше всего лидеров этого региона раздражает извечный рефрен американцев о “правах человека” и “демократических ценностях”. В этих вопросах они демонстрируют полнейшее единодушие, поскольку понимают, что внедрение “американских ценностей” в их общества может только разрушить эти общества, как это случилось с Россией. Даже склонные к осторожности японские политики определенно высказывают свой негативизм по поводу этих ценностей. Так, М. Хосокава в беседе с премьер-министром КНР Ли Пэном подчеркнул: “Западным странам не стоит навязывать свои ценности демократии другим странам”. В продолжении этой темы, профессор университета “София” Ёдзо Ёкото реагирует так: “Роль самоуверенного супермена можно играть во внутренней политике, но она выглядит нелепой в международных отношениях”.

Если противодействие американским замыслам в рамках АТЭС со стороны восточноазиатских государств было предсказуемо, то для меня лично была

неожиданной критика функций этой организации австралийскими учеными, которые, как мне казалось, должны поддерживать линию США на либерализацию торговли. Значимость этой критики усиливается, если иметь в виду, что она поднимает важный вопрос о соотношении рынка и государства во внешнеэкономической политике.

Джон Равинхил из Австралийского национального университета (Канберра) не без сарказма пишет: «В течение шести лет своего существования АТЭС сделал мало, чтобы снять с себя образ организации, которая постоянно находится в “становлении”, организации, чьи цели столь размыты, почти бессмысленны или просто нереальны, чтобы быть осуществимы в обозримом будущем». Он справедливо обращает внимание на ряд несуразностей в Осацкой декларации (они, кстати, характерны для всех деклараций, включая последующие). Например, в пункте 1 говорится о “многостороннем” подходе к процессу либерализации, а в пункте 8 о “гибком” подходе, который дает широкий простор для толкования и которым не преминул воспользоваться Махатхир бин Мохамед. Он говорил: “Мы интерпретируем эти сроки (2020 г.), как разрешение выйти за его пределы, если наш уровень развития не будет к нему подготовлен”. Китайские официальные лица по этому же поводу делают упор на “добровольности” в подходе к этим срокам.

Столь же “гибко” можно толковать и фразу о “свободной и открытой торговле”, в частности, как снятие или снижение “пограничных барьеров”, т.е. таможенных тарифов и официальных нетарифных барьеров. В этом плане, например, у японцев проблем нет, что не облегчает проникновение на японский рынок из-за внутренних неофициальных барьеров.

Уверенно можно предсказать, что Япония, КНР, Корейская Республика и Тайвань “вовремя” не отменят барьеры на ввоз сельскохозяйственных товаров, поскольку это не просто торговая проблема, а проблема экономической безопасности страны. В этой связи Равинхил поднимает важнейший вопрос, который актуален для сегодняшней России. Кто кому служит: рынок обществу или общество рынку? Он пишет: “Восточноазиатские правительства подчиняют рынок общественным потребностям”.

В подтверждение данного вывода Равинхил приводит любопытный пример с Малайзией, который опять же крайне поучителен для российской практики. Правительство Малайзии вложило инвестиции в национальную компанию Протон, производящую легковые автомобили. Чтобы обезопасить внутренний рынок, оно подняло на 120% импортные пошлины на запчасти для машин, которые могли бы

составить конкуренцию Протону. Каждый выпущенный Протон, по оценкам, получил дотации более 2000 долларов; дальнейшие субсидии предполагается гарантировать за счет экспортных продаж, успешно осуществляемых, между прочим, даже на рынке Австралии.

Этот ученый полагает, что протекционистская политика весьма необходима, по крайней мере, для таких “малых экономик” как Австралия. В русле этой мысли Марк Бисон, ученый из Мёрдокского университета (г. Пёрт), напоминает: “Существуют веские причины считать, что вмешательство правительства в экономику в большей степени, чем действия рыночных сил, было центральным в успехах экономического развития стран Восточной Азии типа Японии, Южной Кореи и Тайваня”. В отличие от американцев, требующих “дерегуляции государства”, он, так же как и Равинхил, придает важную роль государству в защите своего национального рынка от более мощных стран типа США и Япония.

Все сказанное выше нашло отражение и в ходе упомянутого уже форума в Маниле (22-23 ноября 1996 г.). На нем, так же как и на предыдущих встречах, шла борьба сильных против слабых. Первые - США и Канада - требовали отмены таможенных тарифов как можно в более короткие сроки, последние не безуспешно сопротивлялись.

Официально таможенные процентные надбавки на ввозимые товары в 1996 г. выглядели следующим образом: Австралия – 5,00, Бруней – 1,98, Канада – 1,60, Чили – 11,00, Китай – 23,00, Гонконг – 0,00, Индонезия – 13,40, Япония – 4,00, Корейская Республика – 7,90, Малайзия – 9,00, Мексика – 9,80, Новая Зеландия – 5,70, Папуа–Новая Гвинея – н.о., Филиппины - 15,57, Сингапур – 0,00, Китайский Тайбэй (Тайвань) – 8,64, Таиланд - 17,00, США - 3,40.

В рамках Манильского плана действия для АТЭС (МПДА) был утвержден ряд документов, среди них – Индивидуальный план действия для каждого члена АТЭС. Этот план был принят, несмотря на попытки Б. Клинтона добиться отмены тарифов к 2000 г. на очень важные с точки зрения интересов американского бизнеса товары. На этот раз речь шла прежде всего о компьютерах, полупроводниках и телекоммуникационной технологии (их общая продажа в год достигает около 500 миллиардов долларов). Это не просто коммерческие товары, а своего рода инструменты воздействия на любую страну, его население через ИНТЕРНЕТ и другие аналогичные средства связи.

В соответствии с Индивидуальным планом каждая страна сама определяет время снижения или отмены пошлин на те или иные товары. Скажем, если Австралия собирается снизить средние таможенные тарифы до 4,8% к 2000 г., то Тайвань только до 5% на 65% импортных товаров и только к 2010 г. Индонезия предполагает снизить их от 10 до 0%, не оговаривая номенклатуру товаров. КНР намерена средние тарифы уменьшить с нынешних 23% до 15% к 2000 г., а Филиппины – до 5% к 2004 г. за исключением “чувствительных сельскохозяйственных продуктов”. Малайзия вообще ничего конкретного не обещает, а Южная Корея обязуется снизить тарифы на некоторые конкретные товары, в частности суда (без указания цифр), по выпуску которых она занимает второе место в мире после Японии. Сама Япония свою готовность твердо следовать “усилению многосторонней торговой системе” заволокла таким туманом, что невозможно понять до каких уровней она собирается снижать тарифы на упомянутые товары, включая текстиль, сталь и цветные металлы.

В связи с таким разнобоем и туманом некоторые проамериканские эксперты стали высказываться в том смысле, что, если, дескать, процесс либерализации пойдет темпами, предложенными “отстающими”, тогда “передовики” потеряют интерес к АТЭС[3]. У меня стало складываться впечатление, что интерес к этой организации уже начала терять Япония. Один из видных журналистов и ученых Ёити Фунабаси, присутствовавший на встрече в Маниле, с раздражением описал поведение японской делегации, которую представляли главы отделов, а не президенты компаний в отличие от других стран. Главное же, японские бизнесмены призывали к неторопливости в снижении тарифов.

В такой неторопливости есть своя, японская логика, которую не замечает японский журналист. Дело в том, что японцы достаточно глубоко внедрились в экономики всех стран Восточной Азии. Сама по себе торговля уже не является главным фактором проникновения на рынки этих стран. Там давно работают инвестиции, а в технологии, которую японцы им экспортируют, заинтересованы местные компании, и через массу всяческих лазеек они ее импортируют, обходя таможенные накрутки. Поэтому в полной открытости заинтересованы прежде всего американцы, поскольку торговля на данный момент важнее для них, чем их инвестиционные возможности. И в случае отмены или снижения пошлин, особенно на товары, за которые бился Клинтон, американский импорт может стать весьма конкурентоспособным с японскими товарами, произведенными на территории стран Восточной Азии, и очередная непрекращающаяся битва Японии и США на третьих рынках обеспечена. Именно поэтому, как мне представляется, Япония, продолжая ратовать за открытие рынков

“для народа”, на самом деле сама не торопится открывать свой рынок для сельскохозяйственной продукции и не очень настаивает на открытии других рынков.

Что же касается Китая, Индонезии, Малайзии, отчасти Южной Кореи, то их поведение вполне обосновано, поскольку подставлять неподготовленную экономику для “встречи” с асами империалистической экспансии было бы как минимум преждевременно и безответственно перед национальными интересами собственных стран. Подыгрывая их позициям, газета Асахи писала: “либерализация товаров и инвестиций приносит выгоду прежде всего транснациональным компаниям - за счет местных предприятий и рабочих”.

В принципе функция АТЭС как раз и состоит в том, чтобы предотвратить регионализацию экономик Восточной Азии, сделать их открытыми для всего мира, другими словами, для ТНК, ТНБ, МНК и МНБ США. В этом заинтересованы и Австралия с Новой Зеландией, Сингапур, а также некоторые правящие капиталистические элиты стран-членов АТЭС, по крайней мере, некоторых из них, как, например, Филиппин. Конечно, процесс давления с их стороны будет продолжаться, и под либерализацию так или иначе будет попадать все большее количество товаров. Однако ее темпы все-таки скорее всего будут определяться “отстающими” (Индонезией, Китаем, Малайзией). Нельзя сбрасывать со счетов и ряд других факторов и причин, среди которых уместно назвать хотя бы некоторые из них.

Во-первых, асеановцы не решили еще даже свои “барьерные проблемы”, хотя и запланировали сократить и даже отменить таможенные начисления до 0-5% к 2003 г. Во-вторых, вряд ли они изъявят желание передать функции контроля за своей экономической политикой в руки АТЭС, т.е. фактически в руки монополий США и Японии, в ущерб функциональным задачам собственной организации. В-третьих, хотя Западная Европа не без юмора наблюдает за деятельностью этой организации, однако, если она действительно начнет выкристаллизовываться в нечто серьезное, тогда негативная реакция неизбежна, что чревато для масштабных отношений с США, Японией и даже с самими странами Восточной Азии, которые, между прочим, весьма серьезно заинтересованы в их развитии. В-четвертых, идея “открытого регионализма” не только абсурдна с точки зрения интеграции какого-то экономического пространства (о чем уже говорилось выше), но и с чисто экономической точки зрения. Любой экономический регионализм нужен прежде всего для защиты интересов стран определенного региона. Именно в этом была суть и Общего рынка, и нынешней НАФТА. Если же он “открытый”, тогда какой же это “регионализм”?

Думаю, что “Тихоокеанский сценарий” с его инструментом в виде АТЭС не менее мифичен, как и сама концепция АТР: сколотить в один полюс более половины мира, внутри которого потенциально сохраняется столько конфликтов и противоречий, задача - непосильная ни США, ни США вместе с Японией, просто - никому.

Гегемония Глобального Капитализма во главе с США? - Да, но...

В итоге сохраняются три центра экономического могущества: США - Западная Европа - Япония, которые возникли еще в начале 70-х годов. За прошедшие более чем 25 лет структура этих центров изменилась и довольно существенно. Во-первых, экономические потенциалы этих центров стали более равновесны. Во-вторых, они стали более взаимопереплетенными. В-третьих, несмотря на относительное падение удельного веса США в рамках этой трёхугольной системы, именно сейчас у них появилась возможность для единоличной гегемонии как внутри системы, так и за ее пределами, т.е. в глобальном масштабе. Последнее вызвано сломом биполярности в международных отношениях на рубеже 80-х-90-х годов в результате распада СССР и превращения России в третьеразрядную державу по экономической мощи (ее ВВП, равный 360 млрд долл. в 1996 г., уступает ВВП Ю. Кореи почти на 100 млрд долл.). Подобный ход событий резко усилил зуд США играть единоличную гегемонистскую роль в мире. Обратимся к теоретическим посылкам, обосновывающих данную роль.

Чтобы понять поведение США на международной арене, необходимо четко знать, что скрывается за доктриной национальных интересов, которая является альфой и омегой внешней политики Вашингтона в любой точке земного шара.

При всех нюансах в интерпретации доктрины национальных интересов, в том числе и самими американскими президентами, она опирается на три классических постулата. Первый – усиление американской экономики. Второй – распространение “демократических ценностей”. Третий – необходимость обладанием мощной военной силы, поддерживающей и обеспечивающей выполнение первых двух постулатов.

Все это вкупе должно служить реализации глобальных целей США. Не всегда это удавалось, однако в настоящее время, после окончания холодной войны, США, ощутив себя фактическим единоличным лидером в мире, пытаются на полную катушку воспользоваться нынешней ситуацией. Американские теоретики международных

отношений и мировой истории (Эрриги, Уоллерстайн и др.) как бы с объективных позиций обосновали нынешний исторический цикл, связанный с гегемонизмом США, который начал себя проявлять после второй мировой войны. Теоретики-экономисты подкрепили данный подход с позиции развития мировой экономики на основе так называемой теории модернизации, в основе которой лежат идеи свободной торговли.

Эти теории исходят из того, что каждая страна и регионы должны специализироваться на производстве того или иного продукта, для которого существуют наиболее благоприятные условия, как-то: природные ресурсы, рабочая сила, ценовые (стоимостные) преимущества и т.д. Свободная торговля среди всех его участников на основе конкуренции на мировом рынке увеличит благосостояние каждого из них в том случае, если выгоды от нее будут распределяться неравномерно среди партнеров. Известный девиз “Чикагских мальчиков”, приверженцев данной теории, гласит: “Придерживайся правильных цен, балансируй бюджет и открывай двери (для торговли)”.

Естественно, эта теория предполагает уменьшение роли государства в экономических процессах. В лучшем случае ему уготована роль “помогающего”, но ни в коем случае не “проводника” или тем более “реализатора”. И хотя отказ государства от своих естественных функций привел к разрушению экономики в Восточной Европе и особенно в СССР/России, это, по их терминологии (точнее, они взяли этот термин у Й. Шумпетера), означает “творческое разрушение” (creative distruction).

Политика “открытых дверей” очевидно несет преимущества только сильным странам, в то время как ее адресатом являются в основном развивающиеся страны. В отношениях друг с другом, к примеру, в рамках Г3/Г7, они предпочитают придерживаться охранительных принципов, весьма далеких от лозунгов политики “свободной торговли”. Более того, еще в начале 80-х годов американский экономист Эрик Вольф писал: “Теория модернизации эффективно исключает все кроме наиболее идеологического понимания современного мира. Она использует термин современный, однако имеет в виду под термином США, или скорее идеал демократичных, плюралистичных, рациональных и светских ценностей США. ...Как теория она ложна. Она фальсифицирует представления на американскую историю, выдавая чувство самодовольства за анализ”.

Тем не менее именно на основе данной теории США предприняли реконструкцию капиталистической экономики с целью вовлечения в нее различных частей мира - Европу, Азию, Латинскую Америку, Ближний Восток, Африку - в орбиту интересов

собственной страны. Ныне, как уже говорилось, ситуация оказалась наиболее благоприятной для выполнения данной глобальной задачи.

Эти задачи находят выражение в “новых принципах” внешней политики, о которых бывший госсекретарь У. Кристофер со всей обнаженностью говорил чуть ли не каждый месяц. Они таковы: “Во-первых, Америка должна быть вовлечена (в мировые события) и лидировать в них. Во-вторых, мы должны установить и усилить наши сотруднические отношения со всеми наиболее мощными мировыми странами. В-третьих, естественно, мы должны приспособлять и создавать институты, которые будут способствовать сотрудничеству в области экономики и безопасности. В-четвертых, мы должны поддерживать демократию и права человека, так как это служит нашим интересам и нашим идеалам”. В этой же речи он подчеркнул: “Как глобальная держава с глобальными интересами США не должны отступать от своей лидирующей роли. ...Только США обладают видением и возможностями консолидировать эти достижения (имеется в виду – свободу и процветание)”(там же). Идея лидерства стала просто наваждением лидеров США.

Только наивные простаки могут усмотреть в подобных заявлениях намерения США “гармонизировать мир” в соответствии с интересами всех участников международных отношений. Один из ученых, Питер Полонка, как-то отметил в одной из своих работ: <<...Вашингтон играет много ролей в Восточной Азии – воюющей страны, благотворительной, колонизаторской, защищающей, демократической - но никогда “партнерской”>>. Данное принципиальное замечание Полонки необходимо постоянно иметь в виду при анализе внешней политики США, в том числе и в Восточной Азии. И к этому надо относиться как естественному явлению, а не как специфической черте американского характера, склонного, дескать, к высокомерию и игнорированию интересов других. Абсолютно нет. Американцы играют по правилам капитализма. Одно из правил этой системы заключается в том, что сами правила определяются сильным игроком. На данный исторический момент именно США и являются таким игроком. Как долго они сохранят такой свой статус - вот вопрос, нервно обсуждаемый учеными.

По предположению некоторых из них, нынешняя структура трех центров экономического могущества во главе с США вскорости распадется на две геополитические зоны.

Одна образуется из слияния США и Японии в некий единый центр, на периферии которого субординированно будут расположены страны Азии, Латинской Америки, а также арабские страны-производители нефти. Другая зона - это Европа во главе с Германией, включающая Восток и большую часть Юга.

Уоллерстайн, Камингс и Боррего исход борьбы между двумя зонами прогнозируют в пользу первой зоны: "Мы склонны ожидать победу американо-японского альянса, в которой Япония может выйти наверх". Если с первой части этого вывода еще можно согласиться-ся, то вторую часть можно было бы легко опровергнуть, но в данном случае для нас не это важно. Более интересна логика, ведущая к подобным умозаключениям. Эта логика строится на исторических аналогиях.

Названные авторы часто ссылаются на Жанет Абу-Лугод, которая проанализировала падение и взлеты государств в средневековье. Она утверждает идею прямолинейных зависимостей между падениями и взлетами государств и регионов (почти как в теории с нулевой суммой): падение одной державы или региона предшествует возвышению других держав или регионов. Так, до XVII века азиатские державы были гегемонами, Европа - на задворках. Падение азиатской гегемонии в мировой системе было исторической предпосылкой возвышения Европы. Применительно к нынешней ситуации, если следовать ходу рассуждений названных ученых, добавляя к ним концепцию мирового капитализма, картина выстраивается следующей.

После некоторого периода американской гегемонии, в которой происходила концентрация накопления капитала в одной ключевой зоне мировой системы, возникла новая глобальная гегемония трех ключевых центров в мировой экономике. Эта тройственная гегемония завершает временную и в некоторой степени ненормальную однополюсную Пакс Американу, возвращая глобальную политическую экономию к ситуации трехполюсности, отчасти похожей на период, характерный для конца XIX – начала XX века, только в новых институциональных формах. Эти трансформации можно рассматривать как часть большого цикла, в которой произошла ротация эпицентра.

Ныне мы вновь находимся в преддверии очередной исторической трансформации: идет процесс падения Запада, что, по исторической логике, предшествует возвышению Востока. В отличие же от прежних гегемоний, нынешние менее сконцентрированы на одной державе. Более корректно говорить поэтому о гегемонии

интегрированных центров или зон. Из этих рассуждений и черпаются выводы о победе американо-японского центра мировой политики.

Для информации следует учитывать, что европейские ученые придерживаются иных взглядов на этот счет. Так, Герд Юнн из Амстердамского университета, поддерживая концепцию трех мировых блоков, полагает, что для их взаимоотношений будет характерно “управляемое соперничество”. По его предположению, государственное вмешательство вновь усилится после некоторого периода неолиберализма.

Поразительно, но авторы вроде бы стройных теорий делают ряд допущений, которые фактически сводят на нет их конструкции. Так, поскольку две мировые тенденции (одна ведет к интеграции, другая к регионализации) развиваются в столкновениях и в конфликтах, то они порождают некое геополитическое пространство, имеющее самостоятельную доминанту, способную похоронить обе тенденции. В этом пространстве происходят территориальные распады (бывший СССР, нынешняя Россия, Югославия, в будущем, не исключено, Канада и США), межнациональные конфликты, борьба за независимость и самоопределение, наконец, проблема самой государственности и масса других проблем, не поддающихся классическим решениям. В такой ситуации напряженность между экономической глобализацией и регионализацией не только сохранится, но скорее всего усилится. К этому толкают и законы мирового капитализма. Ныне управленческие функции мирового капитализма фактически попали в руки международных организаций типа ВТО (в 1995 г. заменившая ГАТТ), МВФ и другие аналогичные организации, представляющие интересы главным образом ТНК и ТНБ. Они по своей природе будут действовать в мировом масштабе, игнорируя национальные интересы любых стран, включая интересы и своих стран. Национальные же государства в силу опять же своей природной сущности будут стремиться к защите своих интересов, в том числе и на путях регионализации, т.е. экономических блоков, защищающих интересы его участников. Действия первых и вторых явно в неразрешимом конфликте. Причем именно первое явление - глобальный капитализм самый активный противник государственных центров силы, даже если это государство называется Соединенными Штатами.

Есть еще один момент, может быть, более весомый с геостратегической точки зрения. Это воздействие Китая на ход экономического развития в мире, и особенно в Восточной Азии. И мало кто всерьез предусматривает возможность восстановления

российско-китайского стратегического альянса. А такой ход событий становится все более и более вероятен. Это, однако, отдельная тема.

* * *

Здесь же хотелось бы сделать следующий вывод. Ни Азиатский, ни Тихоокеанский сценарии не дают оснований полагать, что в зоне Восточной Азии может сформироваться интеграционный блок, наподобие Европейского Общего рынка или НАФТА. Судя по всему, ничего не получается и с “центром”: ни вокруг Японии, ни вокруг США, ни в рамках АТЭС. Этому препятствуют не только чисто экономические факторы. Против интеграции в Восточной Азии работают и противоречия между странами геостратегического характера. На мой взгляд, международная обстановка в Восточной Азии в ближайшие четверть века будет напоминать события начала XX века в Европе, когда узел противоречий между Англией, Францией, Германией и Россией разрешился Первой мировой войной. У меня лично нет ощущения, что за столетие человечество поумнело. Скорее, наоборот.

Олег Арин

Опубликовано: Азия и Африка сегодня, №10–11, 1998.

[1] Shintaro Ishihara. The Japan That Can Say No. NY: Simon & Schuster, 1991.

[2] The Vancouver Sun, Nov. 17, 1993, p. D6.

[3] Asiaweek, December 6, 1996.